

ROGER
Vadim

ОТ ЗВЕЗДЫ К ЗВЕЗДЕ

БРИЖИТ БАРДО, КАТРИН ДЕНЕВ, ДЖЕЙН FONDA...

Роже Вадим

**От звезды к звезде.
Брижит Бардо, Катрин
Денев, Джейн Фонда...**

«Прогресс-Традиция»

Вадим Р.

От звезды к звезде. Брижит Бардо, Катрин Денев, Джейн Фонда...
/ Р. Вадим — «Прогресс-Традиция»,

Автор мемуаров, известный французский кинорежиссер Роже Вадим, настоящая фамилия которого Племянников, рассказывает о знаменитых актрисах, с которыми связала его судьба, – Брижит Бардо, Катрин Денев, Джейн Фонда и др. При чтении мемуаров возникает и образ самого автора, сумевшего, по его словам, на протяжении всей своей жизни сохранить с этими «замечательными женщинами самые нежные и дружеские отношения». Перевод дан с некоторыми сокращениями.

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Роже Вадим

От звезды к звезде

Брижит Бардо, Катрин Денев, Джейн Фонда...

*Издательство «Прогресс-Традиция» выражает
признательность за содействие в издании книги
Министерству культуры Франции*

ОТ АВТОРА

Публикация дневников и мемуаров не новость в наши дни. О своих семьях, любовных связях, людях, которые были им известны, писали на протяжении тысячелетий литераторы, политики, философы и даже святые (обоего пола). Что касается понятия «вмешательство в личную жизнь», то оно появилось сравнительно недавно.

Следует заметить, что словосочетание «личная жизнь» понимается всеми по-разному. Скажем, актриса, дабы сделать карьеру, стремится привлечь к себе внимание масс-медиа, рассказывая о личной жизни, чувствах, а также о профессии, демонстрируя при этом свои прелести с помощью экрана и фотографий. Но ее вряд ли поймут, если уже на вершине успеха она решит, что все сказанное ею прежде должно быть забыто и, как во времена Савонаролы, подвергнуто цензуре и уничтожению.

Знаменитая «звезда» не вправе претендовать на совершенно анонимное существование. В противном случае ей следовало бы выбрать иную форму приложения сил и не добиваться славы с помощью театральных подмостков, экрана или средств массовой информации.

Разумеется, существуют исключения. Например, Грета Гарбо, жившая затворницей в тени голливудских гигантов. Она никогда не приглашала фотографов по случаю своего дня рождения или другого события в личной жизни.

Публикуя эту книгу, я никоим образом не стремился к сенсации. (Бог свидетель, у меня для этого было предостаточно материала!) Напротив, я хотел лишь выразить свои самые нежные и почтительные чувства этим замечательным женщинам.

Р.В.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ БРИЖИТ БАРДО

1

С тех пор как Боттичелли написал свою Венеру плывущей на перламутровой раковине, никто не видел богиню любви выходящей из пены морской.

Свидетелями именно такого чуда стали 12 мая 1953 года в двенадцатом часу пополудни две тысячи американских моряков авианосца «Энтерпрайс», бросившего якорь в Каннской бухте.

Сначала они увидели, как из морских глубин появилась длинная прядь волос, затем лицо в капельках воды, блестевших на солнце подобно бриллиантам. Невинный, но чувственный рот, идеально прорисованные глаза, маленький носик, щеки, еще сохранившие детскую округлость, – все это словно было создано для наслаждения. Две породистые ручки ухватились за борт моторной лодки, и вот она уже предстала перед всеми со своей лебединой шеей, покатыми плечами, высокой грудью и осиной талией, которую можно было обхватить пальцами обеих рук, с круглой, на зависть Адонису или Афродите, дерзкой задницей, великолепными бедрами и мускулистыми ногами балерины. Ничто, кроме бикини, не скрывало это чувственное и гордое тело.

Даже не зная, кто она, моряки «Энтерпрайса» могли без труда догадаться, что перед ними богиня. Их свист и аплодисменты несомненно донеслись до ступеней Дворца фестивалей на набережной Круазетт. Чтобы лучше разглядеть девушку, моряки столпились по левому борту авианосца.

Стоя в лодке, Брижит расхохоталась. «Да они же перевернут корабль!» – воскликнула она.

Дежурный офицер спустил трап и пригласил Брижит подняться на борт. Это было против правил, но он предпочел их нарушить, чтобы не вызвать бунт на корабле.

Со свойственной ей непосредственностью Брижит приняла приглашение. И, оказавшись на палубе, стала пожимать руки морякам, рассмешила знанием четырех английских слов, позволила сколько угодно снимать себя. Она так отличалась от обычных гостей «Энтерпрайса» типа Боба Хоупа или манерных девиц с маркой «Сделано в Голливуде»! Покидая авианосец, Брижит оставила там две тысячи друзей.

По дороге в отель «Карлтон» она успела натянуть джинсы. Но ей понадобилось добрых полчаса, чтобы пройти сто метров от пляжа до гостиницы, и столько же времени, чтобы миновать ее холл. В конце концов она все же сумела сесть в лифт. Но при выходе из него на четвертом этаже, где находился наш номер, ее уже поджидали другие фотографы.

Каннский фестиваль был в разгаре. Это было безумное и веселое время. «Звезды» еще не знали, что подобно Мессии посланы на землю, дабы указать путь человечеству, а журналисты не судили об их талантах в зависимости от общественного положения и политических взглядов. Брижит Бардо уже снялась в нескольких фильмах, но не была «звездой». Она, впрочем, не была и гостьей фестиваля, а просто сопровождала мужа, молодого репортера «Пари Матч» по имени Роже Вадим...

Мы были женаты четыре месяца, и она не захотела остаться одна в Париже.

Испытывая аллергию к официальным приемам и пресс-конференциям и зная, что ни один фильм с ее участием не значится в списке конкурсных картин, она никак не могла понять, отчего с момента нашего приезда вокруг нее стало происходить нечто странное. Побросав свою

обычную добычу – известных в мире «звезд» обоего пола, – фотографы следовали по пятам Брижит, куда бы она ни шла – в рестораны, магазины, и даже забирались в наш номер.

Помнится, однажды во второй половине дня я был единственным журналистом, интервьюировавшим Лоллобриджиду, Ким Новак и Керка Дугласа в зале пресс-конференций. Все остальные бегали за моей женой по лавочкам на улице Антиб и пальмовой аллее набережной Круазетт.

«Феномен Бардо», та непонятная притягательная сила, которой обладала эта девятнадцатилетняя девчонка, сам по себе не был новостью. Но тогда в Канне он приобрел поистине международный размах. В тот же день, когда она побывала на «Энтерпрайсе», мы ужинали с друзьями в маленькой таверне в Ла-Напуль. Нам с трудом удалось избавиться от журналистов и фотографов (как ни странно, мне приходилось прятаться от собратьев по перу), но тут к нашему столику приблизился человек, представившийся секретарем Онассиса.

– Каким образом вы меня нашли? – удивилась Брижит.

– Позвольте скрыть мой источник информации, мадемуазель. Вопрос принципа.

– У вашего хозяина отменная шпионская служба, – заметила Брижит.

– Можно и так сказать. Он просил пригласить вас на прием на борту яхты «Кристина» завтра вечером. Там будут все «звезды» фестиваля. Господин Онассис просил передать, что без вас этот прием не будет иметь успеха.

– И он совершенно прав, – ответила Брижит. – К сожалению, завтра я занята. Я ужинаю с мужем, – а после того, как секретарь протянул приглашение и мне, добавила: – Тет-а-тет.

Всем известна красота Брижит, ее вызывающая чувственность. Она – само воплощение эротики и радости жизни минувшей эпохи. Но мало кому известны ее страхи, волнения, ее способность накликать на себя беду, которые так часто приводили ее на грань трагедии.

Влюбленные, которые прогуливаются, обмениваясь поцелуями, при свете луны, не думают о другой ее стороне. Это же самое относится и к Брижит: всем известна только одна сторона ее жизни.

Что же скрывается в действительности за лучезарным обликом известного секс-символа?

2

92-й автобус двигался по авеню Поль-Думерг в сторону Булонского леса. Первые недели октября были хмурые, но в это утро погода внезапно смилиостивилась. Осеннее солнце особенно выгодно оттеняет красоту Парижа. Воздух был легким, деревья – в позолоте и ржавчине. Брижит стояла на открытой платформе и рылась в большой матерчатой сумке, в которую были засунуты трико балерины, балетные пуанты, школьные тетради и учебники. Она трижды выругалась. Ей было пятнадцать лет.

Кондуктор с восхищением разглядывал проступающие в разрезе блузки молодые груди.

– Вы что-то потеряли, милая дамочка? – спросил он.

– Учебник алгебры. Наверное, выпал из сумки, когда я переодевалась у Бориса.

Мог ли знать кондуктор, что Борис Князев, балетмейстер при дворе царя Николая II, был всего лишь учителем танцев этой прелестной девчушки. Трижды в неделю после лица она отправлялась в студию Уокера на площади Пигайль к этому гениальному тирану. «Толчок! Аттитюд! Пируэт! Прыжок! Жете батю!.. Раз, два, три... Голову выше! Большой прыжок с вращением!» После первого знакомства Борис сказал:

– Хорошо. Но придется серьезно потрудиться.

Что на самом деле означало: «Ты станешь примадонной».

Выйдя из автобуса на остановке «Юшет», Брижит легкой походкой дошла до дома 1-бис по улице Помп. Поднимаясь на стареньком гидравлическом лифте, напоминавшем гриб, подвешенный к колонне, она размышляла, к какой тактике прибегнуть, чтобы получить разреше-

ние пойти с подругой в кино. Доехав до последнего, шестого, этажа, она вышла из лифта и трижды коротко позвонила в дверь. Ей открыла прислуга.

В гостиной ее ждал сюрприз. У матери в гостях была главный редактор журнала «Эль» Элен Лазаревф, искавшая новое лицо для репортажа о молодой француженке. Будучи подругой госпожи Бардо, она была знакома с Брижит. «Это она, говорю тебе. Она!» – повторяла Элен в тот момент, когда девушка вошла в комнату. Госпожа Бардо, Тоти для близких, недоверчиво относилась к газетам и рекламе. Но согласилась, чтобы сделать приятное Элен. «При условии, что Брижит не будет манкировать занятиями», – уточнила она.

Всегда согласная со всем, что могло поколебать рутину семейной жизни, Брижит не скрывала своего восторга.

В те времена я жил у Даниель Делорм и Даниеля Желена, молодых супругов и актеров французского кино. Иногда мне приходилось выступать в роли бэби-ситтера при их трехлетнем ребенке. Это мне нравилось, я всегда любил детей. Поиграв в барракуду в ванне, постреляв из игрушечного пистолета по прохожим на авеню Ваграм и соорудив римскую тогу из старой простыни, мы с Зази поняли, что выдохлись.

– Сделай бумажного голубя, – попросил он.

Я вырвал страницу из последнего номера «Эль». Складывая ее по диагонали, я обратил внимание на фотографию девушки. Зази ждал голубя и проявлял нетерпение.

– Что ты делаешь?

– Рассматриваю фотографию. Зази отобрал журнальную страничку.

– Я ее не знаю. Но она красивая, – сказал он.

Брижит была тогда темной шатенкой. Вопреки тому, что обо мне писали, я никогда не предпочитал блондинок. Красота – вот что меня больше всего волнует. Брюнетка Брижит была очень красива.

На другой день я показал это фото Марку Аллегре, который собирался снимать фильм по моему первому сценарию под названием «Срезанные лавры», и без особого труда убедил его, что эта девушка наилучшим образом воплотила бы образ моей героини. Он написал записку госпоже и господину Бардо, в которой говорилось, что он хотел бы повидать их дочь и сделать с ней пробы для фильма.

Спустя семь лет после окончания войны кинематограф еще был недоступен для молодых режиссеров. В нем царили Марсель Карне, Рене Клер, Анри-Жорж Клузо, Рене Клеман, Жюльен Дювивье и Марк Аллегре. Их средний возраст был 50 лет. Марк был известен тем, что дал шанс многим молодым актерам. Он обладал даром открывать таланты.

Я познакомился с ним тремя годами раньше, участвуя в массовке его фильма «Петрюс». Тогда он внезапно покинул съемочную площадку, узнав, что что-то случилось с дочерью. Я видел, как он сел в машину и умчался на всех парах. Я же вернулся на съемочную площадку, где пребывал в унынии продюсер, уже подсчитывая, во сколько ему обойдется этот простой: снималась массовая сцена ярмарки с участием трехсот статистов. Я подошел к бедняге и сказал, что Марк Аллегре проинструктировал меня, как снять сцену. Продюсер почему-то несколько не усомнился в способности семнадцатилетнего парня снять довольно сложный план с панорамой, наездом на лошадок карусели и закончить крупным планом Фернанделя, главной «звезды» фильма. А он почему-то поверил.

Съемочная группа расставила всех по местам, мы прорепетировали, и спустя два часа план был отснят. Когда Марк Аллегре появился на съемочной площадке, продюсер горячо поблагодарил его. Я уж готов был пуститься наутек, но Аллегре удержал меня. Оказывается, он краем глаза наблюдал за моей работой и пригласил к себе в кабинет. До этого он ни разу не разговаривал со мной.

– План был снят неплохо. Взять Фернанделя через голову лошади даже забавно. Я об этом не подумал. Не хотите ли пообедать вместе? – спросил он.

Марк Аллегре стал моим ментором, моим другом, сообщником в некоторых ситуациях, которые можно назвать довольно «пикантными», в какой-то мере отцом. Мой настоящий отец Игорь Племянников, консул Франции, умер в возрасте тридцати четырех лет от сердечного приступа. А отчим Жеральд Ханнинг, архитектор, урбанист, сотрудник Ле Корбюзье, превосходный человек, был на десять лет моложе матери. Он оказал на меня большое интеллектуальное влияние. Я восхищался им и любил, как старшего брата. Увы, он разошелся с мамой. Будучи человеком весьма независимым (я жил самостоятельно с пятнадцати лет), встретив Марка, я почувствовал, как мне нужен отец.

Первые шаги ассистента я сделал в Лондоне на картине Аллегре, которую он снимал для сэра Александра Корда «Бланш Фьюри» с Валери Хобсон и Стюартом Гренжером. Английские профсоюзы отличались яростным изоляционизмом, поэтому мне не заплатили ни гроша. Но я не роптал. Я жил в отеле «Дорчестер», в «люксе» для режиссера, изучал английский язык, англичан и в более интимном плане – англичанок.

Вернувшись во Францию, я закончил сценарий «Срезанных лавров». В нем все герои были несовершеннолетние. В то время средний возраст зрителей был от 25 до 50 лет. Поэтому фильмы о молодежи не были в чести. Но поскольку Марк согласился снимать по этому сценарию фильм, продюсер заплатил мне 80 тысяч (старых) франков. Это не означало ни признания, ни благополучия, и тем не менее журнал «Синемонд» напечатал тогда статью, озаглавив ее: «19-летний Роже Вадим – самый молодой сценарист Франции».

Однажды в поезде Лондон—Париж мы с Марком познакомились с одной из самых талантливых балерин Парижского балета Лесли Карон. Он сделал с ней пробы для фильма по моему сценарию. Но воспротивился продюсер. «Она похожа на эскимоску», – заявил он. Однако благодаря этой пробе Лесли получила обложку в «Пари-Матч», а Джин Келли пригласил ее сниматься в «Американце в Париже».

Я испытывал большую нежность к Лесли. Но та отвечала мне только привязанностью. Мы провели три недели в Альпах, катаясь на лыжах. Балансируя на проволоке любви, мы оба не решались сделать решающий шаг. Я был застенчив, а она только начала отходить после бурного романа с одним из партнеров в Парижском балете. В межевском отеле «Монблан» мы жили (исключительно из соображений экономии средств) в одном номере. Лесли спала на полу на матрасе. Испытывая чувство вины за то, что не занималась любовью в номере мужчины, которого несомненно поощряла, она решила истязать себя, отдав мне удобную постель. И спала с темными наглазниками, как «звезда» довоенного кино.

Находясь в Голливуде, где велись приготовления к съемкам «Американца в Париже», Лесли чувствовала себя ужасно одинокой. Ее длинное письмо заканчивалось следующим абзацем:

«Почему бы тебе не приехать сюда? Ты сумеешь и тут писать. Я уверена, что тебе удастся продать свой сценарий. Как грустно, что ты так далеко, и чем больше я об этом думаю, тем мне печальнее».

Я бы ответил согласием, если бы приблизительно за месяц до этого не встретил Брижит Бардо. Теперь мне понятно, что нежность, дружба и физическое влечение, которое я испытывал к Лесли (мы с ней только целовались), не были любовью.

Принимая во внимание, какое будущее планировали своей дочери родители Брижит (замужество за банкиром, промышленником, в крайнем случае – министром), шансы на то, что они ответят положительно на записку Марка Аллегре, были минимальные. Но, не считая пробу как нечто серьезное (а ей было интересно познакомиться с известным режиссером), мадам Бардо уступила дочери. Она решила, что из этой встречи все равно ничего не получится, но так, по крайней мере, удастся избежать упреков Брижит. Свидание должно было состояться у Марка Аллегре в доме 11-бис на улице Лорд-Байрон в конце дня, после школы.

Брижит не рассчитывала, что ее пригласят сниматься в фильме. К тому же она и не думала о кино, ей хотелось сделать карьеру классической балерины. Но она охотно знакомилась с новыми людьми, лишь бы те отличались от друзей папы и мамы и лицеистов из хороших семей, которых привечали на улице Помп. Как и матери, ей хотелось познакомиться с человеком, который, по ее представлениям, командовал целым сонмом «звезд» и знаменитостей.

Ни Тоти, ни мадемуазель Бардо и не думали, что эта встреча серьезно изменит всю их жизнь.

3

Когда мы познакомились, больше всего меня поразила в Брижит ее статья, походка. А также тонкая талия. Царственная посадка головы. И манера смотреть на людей. Многие смотрят, но ничего не видят.

Мать ее была светлой, коротко стриженной шатенкой. Прекрасные миндалевидные глаза, тонкий, чуть длинноватый нос, изящно прорисованный рот. Всегда сдерживаемая улыбка и легкая светскость придавали этому лицу без морщин неоправданно суровый вид, сообщая ему также молодость, столь редкую у парижанок ее положения. От сорокалетия ее отделяли всего два года. Она не была похожа на дочь. У первой побеждали воспитание и классовые предрассудки, у второй все подчинялось спонтанности и естеству.

Мы находились на восьмом этаже в залитой солнцем квартире Марка Аллегре, которому госпожа Бардо объясняла, что уступила капризу дочери и удовольствию познакомиться с таким высокоталантливым человеком, как он, но не предназначает дочь для актерской карьеры. Продолжая болтать, она смогла убедиться, что Марк – полная противоположность тому, какое представление имеют о шоу-мене в ее среде. Своими манерами и изящной речью он скорее напоминал дипломата, чем одержимого художника, орущего на съемочной площадке. Госпожа Бардо была очарована, хотя Марк и не старался щегольнуть своей культурой. Ей, наверное, были известны слова президента Пуанкаре, что «культура подобна варенью – чем его меньше, тем больше его расхваливают». Словом, Марку удалось ее уговорить («Брижит в том возрасте, когда любят эксперименты. Одна проба ни к чему не обязывает»).

Во время этого разговора заинтересованная особа все время поглядывала на молодого человека, которого Марк насмешливо представил как своего сотрудника: «Роже Вадим... Сценарист... Ленив, вечно опаздывает, но для своего возраста человек весьма способный». На что Брижит ответила своим непосредственным и заразительным смехом, сразу пленившим меня. Позднее она призналась, что испытала «нечто похожее на любовь с первого взгляда».

Было решено, что я порепетирую с Брижит в те дни, когда она не посещала курсы Уолкера.

Еще не доехав до дома, мадам Бардо уже пожалела, что дала согласие Марку Аллегре. Но, будучи человеком слова, она не пойдет на попятную. Оставалось убедить мужа. Именуемый близкими Пилу, господин Бардо был на пятнадцать лет старше жены. Высокий лоб, волосы с проседью, узкие губы, острый, волевой подбородок, напряженный, становившийся подчас пристальным взгляд, делавший его еще более странным из-за толстых стекол очков, – он мог бы сойти за директора психиатрической клиники, полковника в отставке или изобретателя противогаза. А на самом деле возглавлял администрацию завода по изготовлению сжиженного кислорода.

Всегда пунктуальный, даже в обстановке окружающего борделя, он являл собой пример человека, который все (до минуты) рассчитывает наперед, например, время на остановки во время поездки в машине, на заправку, среднюю скорость и т. д. И одновременно этот человек был способен прийти в восторг при виде коровы в поле. Фотографируя ее целый час, он затем, дабы наверстать упущенное время, гнал машину, превышая «среднюю скорость», рискуя жиз-

нию семьи на каждом вираже. Ничто не принуждало его к этому, кроме стремления прибыть на место в час, обозначенный в его записной книжке. Он обожал каламбуры и анекдоты, не расставаясь с блокнотом, куда записывал услышанное. Мог прервать разговор, чтобы записать понравившийся ему анекдот, не замечая неловкости и замешательства окружающих. Господин Бардо считал, что все в доме решает он, но на самом деле бразды правления находились в руках Тоти.

На известие, что его дочь станет готовиться к кинопробе, он отреагировал следующими словами: «Шутов в семье я не потерплю», а затем добавил: «Прежде чем перешагнуть порог студии, ей придется перешагнуть через мой труп». На что Брижит возразила: «Это вы сейчас, папа, разыгрываете комедию». Тоти сказала, что дала слово. «Ты согласилась?» – переспросил Пилу. – «Да». Господин Бардо оказался в корнелевской ситуации: допустить клятвопреступление супруги или узреть бесчестие дочери. Он выбрал второе, решив, что кинопроба, в конце концов, ни к чему не обязывает. И снял свое вето.

В один из понедельников в конце дня Брижит пришла в дом № 44 на авеню Ваграм, в квартиру Желенов. Положив учебники на один из стульев при входе, она проследовала за мной в гостиную.

– Глядя на вас, я не перестаю думать о Софи, – сказал я ей.

Брижит была вылитой Софи, героиней романа, написанного мной в отрочестве. Уязвимая и динамичная, сентиментальная и современная во взглядах на секс, испытывавшая аллергию к проявлениям буржуазной морали, Софи всем напоминала Брижит. Ее образный, дерзкий язычок украшали довольно смелые, но отнюдь не вульгарные словечки. Позднее я дал ей прочесть роман, и «Софи» стало ее тайным, кодовым именем. Долгие годы она подписывала им свои любовные письма.

Брижит расположилась в одном из кресел гостиной, и мы начали работать над сценой, текст которой я попросил ее выучить заранее. Свое театральное образование я получил у Шарля Дюлена, в школе которого занимался с пятнадцати до восемнадцати лет. Конечно, у меня не было опыта моего знаменитого учителя, но я быстро сообразил, что Брижит неподражаема и что ее недостатки могут стать достоинством. Ей нужен был садовник, а не учитель. Такой цветок нельзя подрезать, его следует обильно поливать. Бороться с интонациями ее голоса, с его капризными интонациями, было бы вандализмом. В такой же мере, как заставлять вникать в психологию героини. Мотивировка поступков ее совершенно не интересовала. Она либо понимала все чисто инстинктивно, либо ничего не понимала. Брижит делала реальными своих героинь, «бардолизируя» их, прибегая к собственным эмоциям. И тогда происходило чудо.

Память у Брижит была специфическая. Она могла запомнить свои реплики за несколько минут до съемки либо напрочь забывала все то, что выучила накануне, если ее отвлекло какое-то взволновавшее ее событие. Когда мы расставались с ней после первой репетиции, она знала текст наизусть. А два дня спустя не помнила ни слова и в качестве извинения произнесла: «Отец бьет тарелки». Оказывается, всякий раз, когда за столом она заводила разговор обо мне, Пилу хватал серебряный нож и бил рукояткой по тонкого фарфора тарелке, которая разлеталась вдребезги. «Мама считает, что вы дорого нам обходитесь», – сказала она и рассмеялась. Бергсон писал, что смех – это сущность человека. Я всегда считал, что эти слова имели к Брижит самое непосредственное отношение.

Одетая в блузку, она сидела на полу, прижавшись к стене и поджав ноги. Я всячески старался смотреть ей в глаза, но она поняла, что волнует меня. И тогда сказала:

– А почему бы нам не перейти на «ты»?

Я расценил эти слова как скрытое признание в любви. Но не воспользовался этим. Мы ведь встретились по делу, и я принял все меры, чтобы это не обернулось флиртом. Я вообще

никогда не пользовался своим положением в личных целях. Хотя я и не был знаменит, но статус сценариста и ассистента Аллегре не мог не произвести впечатление на пятнадцатилетнюю девушку. За всю свою карьеру я никогда не заводил романы во время съемок. (Если только уже не жил с актрисой, что действительно имело место.) Встречам на авеню Ваграм, сопровождавшимся смехом, была присуща затаенная нежность. Они не были лишены своего очарования.

Наступил день кинопробы.

Брижит проявила полное самообладание. У нее не было никакого опыта, но создавалось впечатление, что она всю жизнь стояла перед камерой. Я гордился своей ученицей, которая произвела большое впечатление на Марка Аллегре.

Было поздно, когда я вез ее домой на такси. Она держала меня за руку. Мы не имели понятия, каков будет приговор продюсера, и не знали, не станет ли эта поездка через Париж нашим последним свиданием. Перед тем как выйти из машины, она быстро (впервые) поцеловала меня в губы.

Продюсеру не понравились зубы Брижит. Он посчитал, что она слишком раскрывает рот. Брижит забраковали, и начало съемок «Срезанных лавров» было отложено на неопределенное время. Я не видел Брижит несколько недель.

Но я не забыл ее. Однако мне было трудно представить, как можно согласовать столь разный, чем у нас, образ жизни. Я в буквальном смысле жил, как птица на ветке, ночуя то у одного, то у другого приятеля, в зависимости от настроения или характера общения. (Дом 44 на авеню Ваграм был убежищем, но не собственностью). Много времени я проводил на Сен-Жермен-де-Пре, напоминавшей деревню внутри большого города. Моими друзьями были тогда никому не известные люди, многие из которых прославились с тех пор. Другие, как Жан Кокто, Жак Превьер, Борис Виан, Жан Жене, уже были знамениты. Я был также знаком с Морисом Шевалье, Эдит Пиаф, Колетт, Сартром, Камю, Сальвадором Дали, многими «звездами» театра и кино...

Ночи в Сен-Жермен пользовались популярностью, весь Париж приезжал сюда развлечься и пораспутничать. Если у тебя не было ни гроша, это не имело никакого значения: у кого было три су, платил за всех. Мы пользовались кредитом в бистро и дискотеках. И не без оснований. Именно такие парни, как Кристиан Маркан, Мишель де Ре и я сам, такие девушки, как Жюльет Греко или Аннабелла, придали этому району свой стиль и подбросили мысль об открытии клубов в подвалах домов. Слово «дискотека» придумано мной. Какой-то журналист обозвал нас экзистенциалистами. Позднее нам на смену пришли битники и хиппи. О нас тогда часто писали в таких изданиях, как «Самди суар» и «Франс диманш».

Нам было невдомек, что некоторые масс-медиа и местные торгаши ради прибыли использовали в своих интересах внезапно возникшее движение, бывшее скорее стилем жизни и мирной формой анархии, чем политической и интеллектуальной позицией с опорой на философские взгляды Жан-Поля Сартра. Впрочем, довольно скоро подлинный послевоенный Сен-Жермен погиб от загрязнения среды, привлекая к себе толпы туристов. Таким он остается и сегодня. Но когда я встретил Брижит, я вел шикарную, полную приключений жизнь, позволявшую общаться с самыми образованными и интересными людьми того времени.

Снимаясь подчас в массовках, продавая сценарий или работая ассистентом у Марка Аллегре на одном из его фильмов, я всячески отказывался от постоянного места службы. Но при этом в куда большей степени успевал учиться, предчувствуя, что сей период полной свободы, последовавший за четырьмя годами нацистской оккупации, станет лишь кратковременным эпизодом, и был полон решимости воспользоваться им в полной мере.

В подобных условиях просто невозможно было предположить любовную связь с благовоспитанной девушкой, которой разрешалось лишь раз в месяц возвращаться домой после полуночи. Но я не мог забыть Брижит и нежность ее губ.

Однажды в субботу по выходе из кинотеатра я обратил внимание, что у меня в кармане всего несколько франков. Я мог либо позвонить Брижит, либо купить билет метро. Я выбрал

первое. Почему именно в этот день, а не в другой, не могу сказать. Это было не внезапным озарением, а чистой потребностью. Приказ возник в подсознании, и я не мог ему не подчиниться.

Я страшно рассеянный человек. Мне случалось забывать о свидании, от которого зависла моя карьера, ошибиться днем, перепутать студию, где шли съемки. Но у меня фантастическая память на телефоны, и к счастью, ибо я вечно теряю записные книжки. Я помнил номер телефона Брижит потому, что звонил ей с месяц назад.

Она сама подошла к телефону. Под каким-то предлогом отказалась провести уик-энд в Ловесьене с родителями. По голосу я понял, как она обрадована моим звонком. «Сейчас же приходи, – сказала она. – Я тут с приятелем и бабушкой. Ей поручена охрана до понедельника». Денег на метро не осталось, пришлось идти пешком с Итальянского бульвара на улицу Помп.

Брижит знала мою слабость к какао с молоком и приготовила горячий и пенистый «Ово-мальтин». Мы сидели в салоне, обставленном мебелью в стиле Людовика XVI, обсуждая с ее приятелем какие-то пустяки. Я был старше обоих всего на пять лет, но чувствовал себя чуждым их заботам. Целый мир отделял меня от этих подростков, не знавших войны и живших на содержании родителей.

Когда приятель ее ушел, мы заговорили о личных вещах, но появление каждые три минуты «бабули», весьма серьезно относившейся к своей роли дуэньи, не допускало никакой интимности. В полвосьмого бабушка дала понять, что мне пора удалиться. Я перехватил ее знак внучке, которая ушла с ней в другую комнату. Прощаясь со мной на лестнице, Брижит, чтобы не расхохотаться, кусала губы. «Бабуля просила пошарить у тебя в карманах. Она опасается, что ты стащил ее серебряные ложки...» – сказала она. Я обнял ее, и мы поцеловались. Этот долгий поцелуй был прерван шагами бабушки.

Реакция на мой счет бабули Бардо была весьма характерна для реакционной французской буржуазии середины века. Подобно тому как короли когда-то держали шутов для развлечения гостей, хозяйки престижных домов считали лестным принимать у себя известных актеров и певцов. Те чаровали, подчас восхищали, но одновременно, особенно киношники, казались людьми подозрительными. В этом смысле понятна тревога бабули Бардо, когда она увидела в доме странно одетого молодого человека, работавшего в кино и способного увлечь бедняжку Брижит в свой мир богемы, где не чтут никаких законов.

Господин и госпожа Бардо были образованными людьми. Среди их друзей находились журналисты, театральные деятели, модельеры. Они любили искусство. Мои шотландские рубашки, неглаженные брюки, довольно длинные волосы не пугали их. На них произвело некоторое впечатление, что мой отец был французским консулом и в четырнадцатилетнем возрасте сражался с большевиками. Мое настоящее имя Роже Вадим Племянников. Имя Вадим выбрали родители, другое, в соответствии с законом, было взято из альманаха, да еще мой крестный носил имя Роже. По-русски фамилия Племянников означает сына брата. Подойдя в своем рассказе к происхождению фамилии, я предложил семейству Бардо отправиться в далекие края, в XIII век, во времена владычества Чингисхана. На своем смертном одре он поделил империю, простиравшуюся от Китая до границ Европы, между сыновьями. Младший получил часть Польши и Украины. После его смерти наследником стал не сын, а племянник. Фамилия Племянников так и осталась за нашим родом даже после того, как он прекратил царствовать.

Став изгнанником после революции, мой отец приехал во Францию и получил тут гражданство. Как все выходцы из дворянских семей, он бегло говорил по-французски, закончил Школу политических наук и с блеском выдержал «малый конкурс». Назначенный вице-консулом в 28 лет, он женился на француженке Мари-Антуанетте Ардилуз. Его первым постом была Александрия.

Я никогда не мог себе представить, что, благодаря своему предку, сжигавшему города и отрубавшему головы, буду принят в парижском буржуазном салоне XX века. Поначалу я делал

промашки в этикетке. Скажем, разбивал яйцо всмятку ножом вместо ложечки, это весьма шокировало Тоти. Ложки становились для меня какой-то проблемой в семействе Бардо... Несмотря на беспокойство, вызванное растущей привязанностью ко мне их дочери, Пилу и Тоти относились ко мне хорошо. Не без некоторого фатализма я был принят в качестве почетного члена семьи. Но это случилось, естественно, не сразу.

Сначала посещения улицы Помп были еженедельными. Лишь месяц спустя мне разрешили повести Брижит в кино на восьмичасовой сеанс. Мы тем временем разработали стратегию тайных свиданий. Нашим штабом стала квартирка на третьем этаже в доме 15 на улице Боссано, отданная моему лучшему другу Кристиану Маркану отцом. Господин Маркан издавал ежегодник для коммерсантов, и Кристиан оплачивал квартиру услугами, наклеивая марки на тысячи конвертов. Подчас и я помогал ему в этом неблагодарном деле, отнимавшем раз в месяц немало времени.

Обстановка в комнате состояла из большого пружинного матраса, стула и столика. Разговаривая, мы ложились на матрас или сидели на полу. Абажур ночника был разрисован чернилами и цветным карандашом Жаном Жене. Кристиан предоставлял мне квартиру по первому требованию.

Было три часа дня, когда Брижит впервые пришла на свидание.

– Я должна была бы быть на уроке алгебры, – сказала она. – Но выбрала свободу.

Она прижалась ко мне и протянула губы. Я всегда поражался удивительной в ней смеси невинности и женственности, бесстыдства и застенчивости.

Время пролетело быстро. Надо было расстаться. Брижит спросила:

– Теперь меня можно назвать настоящей женщиной?

– Только на двадцать пять процентов.

Она слабо улыбнулась мне улыбкой Моны Лизы, думая об оставшихся семидесяти пяти. Я помог ей подделать подпись матери под извинением о пропуске занятия по алгебре и проводил до остановки автобуса.

На обратном пути дорогу мне перегородила консьержка мадемуазель Мари, пятидесятилетняя и 95-килограммовая особа, которую боялись все жильцы.

– Это что за малышка? – спросила она со своим типично парижским говорком.

– Подружка, – ответил я. – Очень приличная девушка.

– Это respectable дом, – проворчала она, – надеюсь, вы не превратите его в бордель.

У меня была купюра в тысячу франков, которую я сунул ей в карман. Деньги производили на м-ль Мари болеутоляющее действие. Коли я собирался и впредь встречаться с Брижит, ничего не оставалось, как подкупить этого цербера. И она успокоенно удалилась в свое логово, то есть в привратницу.

Во время второго визита Брижит снова спросила:

– Меня можно назвать женщиной?

– На пятьдесят процентов, – ответил я. После третьего раза я мог ей уже сказать:

– На сто процентов! Брижит захлопала в ладоши, подбежала к окну и распахнула его.

– Я настоящая женщина! – крикнула она прохожим, которые, подняв головы, так и застыли на месте.

В своем восторге Брижит забыла о том, что была совершенно нагая.

4

Ничто так не возбуждает страсть, как необходимость сохранять тайну. Своей непримиримостью г-н и г-жа Бардо превратили первую любовь дочери в эпическую драму. Брижит была Джульеттой, я – Ромео.

Вынужденные утаивать два часа для того, чтобы побыть наедине, мы проявляли ловкость тайных агентов. Нашими соучастниками были Марк Аллегре, моя мать и Кристиан Маркан. Среди вражеских шпионов, которых следовало опасаться, находились Мижану (младшая сестра Брижит), друзья семьи Бардо и все те, кто сознательно или не подумав о дурном могли сказать, что видели нас вместе. В этих условиях заниматься любовью становилось не только удовольствием, но и опасной игрой, неким достижением.

Секс не был для Брижит синонимом греха. Она не испытывала никакой психологической травмы, представляя себе картину, что отец вмешается в ее постельные дела. У нее не было никаких религиозных страхов в духе иудо-христианской дребедени, увязанной с понятием о наслаждении. Она была Евой еще до проявленного боженькой гнева в саду Эдема. И никогда не считала обнаженное тело женщин их тайным оружием соблазна. Нагота была в ее понимании той же улыбкой или краской для цветка. В этом смысле она была скорее художником, чем его моделью. Или подчас и тем и другим.

Впрочем, ее натуре было присуще одно противоречие. Такая свободная в обращении со своим телом, она была в первую очередь романтиком. Чувства, окружающая обстановка, декорации имели для нее такое же значение, как и наслаждение. Она всегда страдала от того, что не принадлежала одному мужчине. Брижит так и не удалось справиться с парадоксом: оставаться верной, следуя велению своего тела и своего сердца.

Точно так же в общественной жизни существовали две Брижит: одна – приверженная буржуазным ценностям с потребностью быть экономной, боязнь приключений, стремлением к скромным размерам квартиры, с очевидным пристрастием к мебели в стиле рококо, и безделушкам, и другая – современная женщина, идущая неизменно впереди своего времени, независимая, способная вызвать во Франции и на всех континентах скандал. Для своей гениальности она явно не была оснащена соответствующим образом.

Естественно, она не могла и предположить, что окажет такое влияние на современников своими ролями в кино и успехом у медиа. Если бы ее предупредили оракул или волшебное зеркальце, испугавшись, она бы наверняка не стала актрисой.

Безнаказанность придает преступникам нахальства, они рано или поздно попадают. Так произошло и с нами. Мы очень рисковали, обмениваясь ласками в коридоре, лифте, сидя позади рулившего своей машиной Пилу... Более опасными были некоторые ночи во время каникул. Я снимал тогда номер в том же отеле, что и семья Бардо, и босоногая Брижит ночью приходила ко мне.

Зима 1950/51 годов чуть не стала для нас фатальной. Дело было в Межеве, а местом преступления стал отель «Межеван», очень милый, выстроенный из дерева со скрипучим паркетом. Моя комната помещалась как раз над номером г-на Бардо. Но такая топографическая подробность была мне сначала не известна.

Разбуженному скрипом паркета Пилу показалось, что он слышит наверху голос дочери, и он на рысях бросился ко мне. К счастью, Брижит услышала его шаги, и мы успели выскочить со второго этажа прямо в снежный сугроб. Только молодость и жар сердец спасли нас тогда от воспаления легких...

Подобно солдатам, которые считают себя неуязвимыми, уверенными, что пули предназначены соседу, эта тревога не прибавила нам осторожности.

Однажды, придя на улицу Помп с плановым визитом, я узнал от Брижит, что родители куда-то уехали, а Мижану – у бабушки. Лукавый демон удержал нас в большой гостиной вместо того, чтобы отправиться в комнату Брижит.

«О время, попрдержи свой бег», – сказал поэт. В тот день мы немного пренебрегли им. Когда внезапно открылась входная дверь, мы едва успели спрятаться за балконную штору.

В салоне появился г-н Бардо в сопровождении крупного банкира, его жены и сына, слегка приударявшего за Брижит. Мадам Бардо отправилась на кухню похлопотать об ужине.

Сын банкира заговорил о наивности и хорошем воспитании Брижит как о качествах, редких у современных девушек. Потом оба отца обратились к менее фривольному сюжету – к опасности коммунизма во Франции. Жена банкира интересовалась, подлинная ли мебель в стиле Людовика XVI в салоне или хорошая подделка.

Внезапно она спросила:

– А где малышка Брижит?

– Наверное, в своей комнате, – сказал Пилу. – Схожу-ка за ней.

Брижит проявила полное хладнокровие. С достоинством актрисы на подиуме она отбросила портьеру и вышла на середину комнаты.

– Привет, – произнесла она.

После того как прошло первое удивление, Пилу спросил:

– Что ты делала за портьерой?

– Пряталась. Не хотела показаться в растрепанном виде. Сами бы накричали на меня.

Сын банкира рассмеялся, и господин Бардо притворился, что восхищен характером дочери. Брижит увела их в свою комнату, чтобы показать коллекцию плюшевых зверушек, и мне удалось никем не замеченным покинуть помещение.

Господин и госпожа Бардо владели в Сен-Тропе маленьким домом в верхней части улочки, стены которого были увиты диким виноградом.

Этот маленький порт на Лазурном берегу славился своим очарованием, песчаными пляжами, домами Колетт и художника Денуайе де Сегонзака. Туристы и отпускники еще не завладели им. Модными были Канн, Антиб, Жуан-ле-Пэн, набережная Прогулки Англичан в Ницце и Монако. Я обнаружил сей райский уголок еще мальчишкой во время одной из велосипедных прогулок во время войны. И стал приезжать туда ежегодно.

Летом 1950 года я отыскал Брижит под сосновыми кронами около пустынной бухты. Она опасалась стрекоз, которые замирали, пока мы целовались. Эти большие насекомые, вероятно, с уважением относились к музыке наших вздохов, но Брижит утверждала, что они – шпионы, оплаченные ее отцом.

Мы поймали двух стрекоз, назвав их «Шпионка № 1» и «Шпионка № 2». Я пообещал никогда не расставаться с последней, которую Брижит с пристрастием расспрашивала при каждом свидании. Она устраивала мне сцены ревности, утверждая, что «Шпионка № 2» сообщила ей, будто застала меня в объятиях шведки или дочери зубного врача.

Для ревности у Брижит, надо признать, были основания. Я вел в Париже отнюдь не монашеский образ жизни. Часто разъезжал. Иногда по заданию Марка Аллегре, а подчас просто так. Но я искренно любил Брижит, хотя и не хотел жертвовать своей свободой. А той ничего не оставалось, как ждать под охраной родителей совершеннолетия.

Перед очередным моим отъездом она требовала, чтобы я фотографировал ее. Одетую и обнаженную. Дабы мог увезти с собой ее лицо, ее улыбку, ее тело. Брижит писала мне ежедневно. Это была смесь детского лепета, страстных признаний в любви и эротических фантазий, описаний романтических снов относительно нашего будущего и бунтарства против не понимавших ее родителей. При этом повторялась одна и та же фраза: «Ты ведь будешь любить меня вечно?»

Тогда я еще не знал, что женщины, мечтающие о вечной любви, особенно уязвимы перед лицом новой страсти. Ее фраза означала: «Не дай мне влюбиться в другого». Большинство мужчин воспринимают эти слова как доказательство своей исключительности. А все как раз наоборот. Романтично настроенные женщины ищут абсолютную любовь, но не встречают ее ни с одним мужчиной. Они говорят о «вечности», а на деле переходят от одного настоящего к другому.

Брижит мечтала заключить духовный и манихейский контракт. Она хотела читать свою жизнь по звездам. Она же будет солнцем, неизменно приносящим жизнь и тепло, со своими спутниками, вращающимися вокруг по законам ее сердца.

Самой трудной проблемой были ее месячные. Сегодня трудно себе представить девичий страх при отсутствии надежной контрацептики. В иных семьях беременность означала проклятие, бесчестие, перспективу остаться без крова. В лучшем случае вынужденное, заранее обреченное на неудачу замужество. Извечный кошмар. Матери-одинокы не пользовались никакой помощью со стороны общества. С тех пор как во времена Христа неверных жен побивали камнями, мало что изменилось.

Через год после знакомства с Брижит я поселился вместе с Кристианом Марканом в прелестной квартирке на острове Сен-Луи в доме № 6 по Орлеанской набережной. Из окна на девятом этаже были видны башенки Собора Парижской Богоматери, Пантеон, Сена и крыши домов на горе Святой Женевьевы.

Хозяйка квартиры Эвлин Видаль, только что расставшаяся с мужем, выделила нам две комнаты, окна которых выходили на крыши соседних домов. Эвлин была очаровательной, забавной молодой женщиной с коротко стриженными темными волосами, любившей развлечения, к тому же богатой после развода и безмерно счастливой по этому поводу. Все считали, что мы ее любовники и что она приютила нас поэтому. Слышать такое было лестно, но все обстояло иначе. Просто мы обольстили Эвлин, проведя целую ночь в разговорах, слушая Дэвида Брубeka, Телониуса Монка и раскрашивая в розовые и фиолетовые цвета омерзительные резиновые листья, украшавшие входную дверь. Когда взошло солнце, Кристиан сказал: «Вот черт, Эвлин, мы совершенно забыли тебя трахнуть».

Ей нужны были друзья, и мы остались у нее жить. Квартплата была чисто символическая. Да мы всегда и забывали о ней.

Брижит часто приходила ко мне на Орлеанскую набережную. Облокотившись о подоконник, мы разглядывали однажды Париж. Шел мелкий дождь, придавая блеск и некоторую враждебность покрытым свинцом крышам. Внезапно Брижит сказала:

– Знаешь, у меня задержка на один день. По утрам кружится голова и подташнивает. Вероятно, я беременна.

Я успокоил ее, напомнив об эпидемии гриппа в последние недели. Я только что вылечил Эвлин и Кристиана, сделав им уколы витамина С. К подобной терапии тогда никто не прибегал. (Я всегда был в курсе новейших методов лечения. Уколы делать я научился в 13 лет в Верхней Савойе во время оккупации. В горах мы не всегда могли прибегнуть к врачебной помощи.)

Слегка обеспокоенная, Брижит, однако, согласилась на укол витамина С.

– Думаешь, поможет? – спросила она. – Мне не будет больно?

Она отправилась в салон, а я на кухню прокипятить шприц. Внезапно вбежала Эвлин с криком, что Брижит умирает, что она позеленела.

Я бросился в салон. Брижит лежала на диване. Левая щека, часть рта и пальцы рук были зеленые.

– Мне трудно дышать, – произнесла она. – Я умру. Я уже зеленая. – Взяв мою руку, она прижала ее к груди. – Я не хочу умирать, Вадим.

По моим представлениям, зеленым становишься после кончины. Но эти соображения я оставил при себе и сказал:

– Пустяки, дорогая, тебя укусил паук.

Однако я был в ужасе. Эвлин уже вызвала доктора Лефранка, чей кабинет был на третьем этаже. Брижит не отпускала мою руку.

– Не говори родителям, что я мертва. Они с ума сойдут.

Я с трудом представлял свое появление на улице Помп, держа на руках Брижит и говоря: «Ее сердце больше не бьется, она не дышит, она зеленая, но это пустяки. Она не умерла».

Вошел доктор Лефранк и склонился над ней. Погладил лоб Брижит, приподнял веко, пощупал пульс, выпрямился, посмотрел на руки, которые поднес к губам, и сказал:

– Это краска.

Поняв, что она не умерла, Брижит вспомнила, что, оставив меня, пошла в ванную приче- саться. А там как раз были заново окрашены стены. Она просто не заметила, как дотронулась до стены и двери.

Холодная война была в полном разгаре. Американские войска вторглись в Корею. Фран- цузский экспедиционный корпус терпел первые поражения под Као-Бангом и Ланг-Соном. Отдавая себе отчет, что политическая обстановка внутри страны и за ее пределами делает перспективы на будущее весьма сомнительными, в свои двадцать лет я старался максимально пользоваться радостями жизни. Несмотря на ежемесячные тревоги и страх, что родители Бри- жит могут застать нас на месте преступления, я был счастлив.

Брижит бросила лицей и посещала частные курсы, чтобы располагать временем для заня- тий танцем.

Иногда я заходил на студию Уолкера посмотреть, как она занимается, и был в полном восхищении. Изящная, воздушная, она всю себя отдавала этому искусству. Никогда потом я не видел ее на студии, перед камерой в такой согласии с самой собой. Если бы по причинам, о которых я скажу ниже, она не рассталась с балетом, она несомненно могла бы стать одной из самых великих танцовщиц своего времени. Я знал, что после неудачи с пробой на «Срезанных лаврах» она поставила крест на кино и теперь всецело отдавала себя балету.

Ни ее среда, ни наследственность не предрасполагали Брижит к артистической карьере. Но несмотря на полученное воспитание у Брижит сформировался весьма независимый харак- тер. Имея антиконформистскую натуру, Брижит стремилась самоутвердиться вопреки при- нятым правилам морали, которая, по ее мнению, совершенно устарела. О родителях она говорила, что они живут в эпоху динозавров. Вероятно, именно потому, что религия и ежевос- кресная месса были ей навязаны, как нечто обязательное, не подлежащее обсуждению, Брижит с детства испытывала аллергию к церкви и обрядам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.